“ДВА ЦАРСТВА” ФРИДРИХА ФОН ЛОГАУ

© 2013 г. М. А. Новожилов

В статье рассматривается проблема светской власти и придворной жизни в Германии первой половины XVII в. и ее отражение в социально-критических эпиграмах классика немецкой поэзии Фридриха фон Логау (1605–1655). Излагается взгляд поэта на данную проблему, выявляется ее оценка с точки зрения христианской и классицистически-просветительской.

The article discusses the temporal power and the life of the Court in Germany of the first half of the 17th century, as well as their representation in the socio-critical epigrams by the classic German poet Friedrich von Logau (1605–1655). The poet's views on these issues are accounted for and put into Enlightenment classicist and Christian perspective.

Ключевые слова: поэт, власть, придворные, христианство, галломания, светскость, лицемерие, эпиграмма.

Key words: Poet, power, courtier, Christianity, Gallomania, worldliness, hypocrisy, epigram.

I.

Выдающийся немецкий поэт эпохи барокко Фридрих фон Логау (1605–1655) принадлежал к одному из старейших дворянских родов Германии, среди представителей которого были советники, гофмаршалы на службе у силезских герцогов, савоки католической церкви, высокопоставленные чиновники венского двора, императорские дипломаты и наместники Силезии. Сын юнкера, Логау вырос в родовом имении Брокут возле нижнесилезского города Нимпч (теперь – г. Немча в Польше), окончил классическую гимназию в г. Бриге на Одере – столице одноименного герцогства, изучал право в Альтдорфском университете, а затем, вплоть до самой своей смерти, служил при бригском княжеском дворе: вначале – простым чиновником, в дальнейшем – советником, а в конце жизни – гофмаршалом силезских протестантских княжеств Лигниц и Бриг. В историю немецкой литературы Логау вошел как автор монументального собрания эпиграмм и стихотворений под названием “Три тысячи немецких рифмованных изречений Соломона из Голау” (1654)¹. Согласно подсчетам немецкого литературоведа из Гейдельберга д-ра Хельмута Кизеля (*1947) в его монографии «“При дворе, в аду”: Исследование литературной критики придворной жизни от Себастиана Бранта до Фридриха Шиллера» (1979),

среди более чем трех с половиной тысяч стихотворений этой книги не менее двухсот текстов посвящено теме княжеской власти, двора и придворной жизни в Германии XVII в. [1, S. 171].

Этот аспект творчества поэта освещен на его родине в целом ряде литературоведческих исследований. В нашей стране Логау традиционно упоминается лишь в энциклопедиях, а также в соответствующих разделах учебных пособий по истории немецкой и зарубежной литературы XVII в., хрестоматий по зарубежной литературе XVII в. и т.д. В большинстве случаев внимание авторов обращено преимущественно на сатирический и социально-критический аспекты творчества поэта, в том числе – на критику светской власти и придворной жизни. Например: “...немецкий сатирический поэт, автор эпиграмм..., в которых бичует придворную жизнь, упадок нравов, клеймит ханжество и требует свободы совести” [2, с. 303]; “В своих многочисленных эпиграмах... он нападает на моральное вырождение дворянства, добродетель заменяющее знатностью происхождения, на князей, пригодных лишь на то, чтобы восседать за обеденным столом...” [3, с. 750]; «В своих эпиграмах Логау продолжал нападки на все иностранное в Германии: моду..., язык..., бичевал лицемерие церковников..., развращенность “придворных ослов и куртизанок”» [4, с. 304]; “Выступая в защиту простых людей, Логау бичует пороки господствующих сословий, обличает алчность и тиранию князей, раболепие придворных, высокомерие дворян и бюргеров, презирающих крестьян” [5, с. 405] и т.д.

¹ Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Cum Gratiâ & Privilegio Sac. Cæs. Majestatis. Breßlaw / In Verlegung Caspar Kloßmanns / Gedruckt in der Baumanni-schen Druckerey durch Gottfried Gründern [1654].

II.

Среди немногих отечественных литературоведов, которые анализировали поэзию Логау, следует назвать Б.И. Пуришева. В его монографии “Очерки немецкой литературы XV–XVII веков” (1955) Логау охарактеризован как “поэт-вольнодумец, осмелившийся возвысить голос против церкви и власти”. В оценке творчества поэта отчетливо выявлен социальный аспект его сатиры: “Его нападки на придворную жизнь, на феодальных властителей и господствующие сословия отражали справедливый гнев народных масс” [6, с. 284–290]. В очерке “Немецкая литература”, в четвертом томе “Истории всемирной литературы” (1987), Пуришев особо подчеркивает: “Дворянин, придворный, Логау в то же время не был придворным поэтом, льстивым и угодливым. О придворных нравах и обычаях он всегда отзывался чрезвычайно резко”. «Характерно, – продолжает исследователь, – что вольнодумные эпиграммы Логау, содержавшие нападки на придворные нравы, княжеский деспотизм, сословную спесь, не вызвали интереса в кругах “большого света”, зато их высоко оценил великий немецкий просветитель Лессинг» [7, с. 241]. Аналогичным образом Р.М. Самарин в очерке “Мартин Опиц и поэты его школы” говорит о том, что эпиграммы Логау “использовались Лессингом для обличения немецкого абсолютизма”. «Называя Логау “классиком немецкой литературы”, – продолжает Самарин, – Лессинг указывал... на остроту его эпиграмм, разоблачающих упадок нравов в правящих кругах немецкой знати, и на политическое значение его произведений, в которых Логау выступил с протестом против политики немецких князей <...> В глазах Лессинга сатира Логау была сильна именно тем, что, обличая пороки немецкой знати, поэт начинал борьбу за мораль антифеодальную, опирающуюся на представления широких демократических масс Германии XVII в. о нравственности и человеческом достоинстве» [8, с. 132].

В развитие высказанных соображений нам хотелось бы вновь обратиться к данной теме и, насколько возможно, детально проанализировать систему политических взглядов Логау в аспекте его социальной и конфессиональной принадлежности. Интерпретация темы княжеской власти, двора и придворной жизни в Германии XVII в. в творчестве великого силезского эпиграмматиста представляет для нас особый интерес тем более, что поэт сам был придворным и, благодаря своему происхождению, принадлежал к высшему немецкому сословию того времени, что придает его мыслям и словам безусловную достоверность.

Отношение к государственной власти и ее институтам – один из важнейших аспектов миропонимания Логау, поскольку оно непосредственно связано с социальной функцией поэта и его жизненной ролью. В своих суждениях о светской власти Логау опирается, в частности, на тезис из трактата основоположника Аугсбургской Церкви Мартина Лютера (1483–1546) “Свобода христианина”: “Христианин является совершенно свободным господином всего сущего и не подвластен никому” [9, с. 25]. Великий немецкий реформатор раскрывает этот тезис в другом своем трактате – “О светской власти”, где говорит о “двух царствах”: “Божьем”, состоящем из истинных христиан, и мирском, к которому принадлежат как христиане, так и все остальные люди: “...если бы весь мир состоял из подлинных христиан, т.е. из истинно верующих, то не было бы необходимости или пользы ни в князьях, ни в королях, ни в господах, ни в мече, ни в законе”. Однако, продолжает Лютер, “...поскольку немногие веруют и меньшая часть ведет себя по-христиански... Бог учредил, кроме христианского состояния и Царства Божия, другой порядок и подчинил людей мечу, чтобы они хотели и все же не могли учинять зла” [9, с. 135–136]. Глубоко верующий лютеранин, Логау сознает себя всецело принадлежащим к первому из этих “царств” и строит свою систему воззрений на этом духовном основании. Его точка зрения на сущность светской власти изложена им в эпиграмме “Княжеское одеяние”:

Справедливость – мантия, и венец – закон:
Князь, что носит сей убор, прочно утвержден.
[10, II, S. 110]²

Политический идеал Логау – это лютеровский идеал власти строгой, честной и богобоязненной. Программные требования, предъявляемые поэтом к светским властителям, исходят из того, что они, правя христианской страной, сами также именуются христианами. Эти требования опираются на ряд положений из трактата “О светской власти”, в которых Лютер предписывает христианским князьям всегда помнить о своих подданных, действовать исключительно для их блага, все свои помыслы направлять к их пользе, охранять и защищать их: “Да откажется князь в сердце своем от сладости власти, да обратится он к нуждам подданных своих, действуя так, как будто бы то –

² Образцы поэзии Логау, приводимые в настоящей статье, даются по авторскому полному прижизненному изданию 1654 г. Римская цифра в квадратных скобках указывает на номер книги, или части, источника (I–III). Все поэтические переводы выполнены автором статьи. – М.Н.

его собственные нужды!” [9, с. 156–157]. Логау развивает этот тезис в эпиграмме “О княжеской должности”:

Князь хоть и государь, – но, коль он честно правит,
Народу своему слугой себя он явит;
На благо подданных труды его и пот,
Чтоб был благословен и мирен весь народ.
Он бодрствует, чтоб сон народа был покоен;
Он защитит, пойдет на битву, словно воин <...>
Он – чести государь, паж верности – тем паче;
Тот князь едва ли прав, кто думает иначе.
[10, II, S. 49]

Требования, предъявляемые Логау к светской власти, являются, таким образом, прямым выводом из христианской этики; лежащий в их основе религиозно-этический императив восходит к евангельской заповеди о любви к Богу и ближним (Мф. 22, 37–39). Но поэт ясно сознает, что высокий нравственный идеал, который он, вслед за Лютером, предлагает земным властителям, едва ли достижим в действительности. Это понимал и сам великий реформатор, написавший: “Знай также, что с сотворения мира мудрый князь – птица редкая, и еще более редок князь благочестивый. Обыкновенно они либо величайшие глупцы, либо крупнейшие злодеи на земле; всегда нужно ждать от них наихудшего, редко – чего-либо хорошего...” [9, с. 152]. Размышления о характере государственной власти, который в силу исторических условий сложился в современной ему Германии, подытожены поэтом в эпиграмме “Придворное правило”:

Тот слуга князьям не нужен, что приложит все старанье,
Чтоб умерить их обжорство и к напиткам прилежанье;
Тот слуга князьям не нужен, что открыто возвещает,
Что в несправедной их жизни им погибель обещает;
Тот слуга князьям не нужен, что от черного деянья
Вознамерится их совесть отвратить для покаянья.
[10, I, S. 210–211]

Эпиграмма снабжена авторской пометой: “Non mihi sit servus Medicus, Propheta, Sacerdos”, что в переводе с латинского означает: “Да не служат мне врач, пророк, священник”. Эта ремарка проливает свет на то, какой видится Логау в “мирском царстве” его собственная роль. Под “врачом, пророком и священником” поэт, вне всякого сомнения, подразумевает самого себя, поскольку, как врач, исцеляет сатирой пороки людские, как пророк, несет людям слово Божье и, как священник, напоминает властям предрежающим об их долге перед Богом и ближними. Становится очевидным, что позиция “врача, пророка и священника”, морально пребывающего вне юрисдикции светской власти, хотя и неразрывно связанного с ней в повседневной жизни, буквально выражает социально-этический идеал Логау. Нравственный долг

поэта-врача, поэта-пророка и поэта-священника, как понимает его Логау, состоит в честности и прямоте, исповедуемым вопреки общепринятому раболепию; как христианин и поэт-классицист, он убежден в том, что его призвание – мужественно говорить правду властителям, невзирая на угрозу утраты их расположения и даже гнев, потому что побудительным стимулом этого является христианская любовь:

Кто свой искренний совет смело подает князьям?
Княжеский любимец? Нет, – тот, кто князя любит сам.
[10, II, S. 72]

Социальная позиция Логау характеризует его, по выражению исследователей, как “раннего просветителя” [11, S. 148]. С подобной творческой и гражданской установкой Логау соединена в его поэзии тема критики светской власти, двора и придворной жизни. Уже в свой ранний сборник “Первая сотня немецких стихотворных изречений Соломона из Голау” (1638)³ поэт включил эпиграмму “Правительственная погода”, на полях возле которой, в виде комментария, поставил латинское изречение: “Principes sunt Dii, non quidem altitonantes, sed imitonantes” (“Правители суть боги, – но не те, что мечут молнии, а лишь подражающие им”). Здесь в характерной для Логау иронической форме высказано его мнение обо всем происходящем в мире и прежде всего – о войне, бушевавшей в то время в Германии; прямо названы непосредственные виновники бедствий, обрушившихся на его отечество, – все те же князья и власти предрежающие:

Коль кто не верит, что сейчас
Правители богами стали,
Тот пусть посмотрит – здесь, у нас
Какую бурю те подняли.
[10, I, S. 39]

Поэт иронически именуется сильных мира сего, и прежде всего – князей, “богами”, однако в его эпоху это отнюдь не выглядело риторическим преувеличением: тенденция к возвеличению и прямому “обожествлению” князей была всецело в духе того времени и открыто выступила на общественную сцену после Тридцатилетней войны (см.: [12, S. 4–5]). В эпиграмме “Земные боги”, написанной спустя три года после Вестфальского мира, Логау замечает не без сарказма:

Слывут властители богами, что людям блага слать
должны, –
Но принимать стремятся сами они даянья всей
страны.
[10, III, S. 63]

³ Erstes Hundert Teutscher Reimen-Sprüche Salomons von Golaw. In verlegung David Müllers Buchhendl: Seel: Erben in Breßlaw. M. DC. XXXVIII.

В этот поздний период своего творчества, вновь возвращаясь к теме “мироправителей” и их роли во всем происходящем, Логау сатирически обыгрывает вышеприведенное замечание Лютера о князьях как “крупнейших злодеях на земле”. В эпиграмме 1652 г. “В цепях”, в характерном для той эпохи стиле “барочного остроумия”, соединяющего далекие друг от друга вещи и явления (принцип “discordia concors”)⁴, поэт сопоставляет железные цепи, в которые заковывают осужденных преступников, и золотые нагрудные цепи, которыми во все времена любили себя украшать сильные мира сего:

Вряд ли больший вред принес нам цепью скован-
ный злодей,
Чем все те, что на престолах блещут золотом
цепей.
[10, III, S. 131]

В эпиграмме “Царь и тиран” Логау, следуя литературной и духовной традиции своего века, сравнивает двух ветхозаветных монархов – древнеизраильского царя Давида (1085–1015 до н.э.), которого пророк Иезекииль именует “пастырем” (Иез. 34, 23), и легендарного царя Вавилона Нимрода, о котором в Библии говорится: “Хуш родил также Нимрода: сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов пред Господом...” (Быт. 10, 8–9). Однако под “Нимродом” Логау, по всей вероятности, имеет в виду не только древнего вавилонского тирана, но и современного поэту властителя – Сильвия I Нимрода, герцога Вюртембергского и Эльсского (1622–1664, годы правления: 1647–1664), прозванного “жестоким”. Герцог Сильвий Нимрод правил нижнесилезским княжеством Эльс (совр. Олесница), где тоже было много охотничьих угодий⁵. Опираясь на эту антитезу из библейской истории, подкрепленную актуальным примером из современности, Логау предъявляет светской власти свой классицистический императив:

Был Давид пастух разумный, звероловом был
Нимрод.
Должен князь о благе печься, а не грабить свой
народ.
[10, II, S. 262]

Свои наблюдения над природой светской власти поэт подытоживает в эпиграмме “О жизни придворной и вечной”, проводя в ней параллель между лютеранским учением об “оправдании

верой” и княжеским расположением. Согласно доктрине лютеранской церкви, “оправдание” человека достигается не за его добрые дела или иные “заслуги”, но, – как определяет Филипп Меланхтон (1497–1566) в своей “Апологии Аугсбургского вероисповедания” (1530), – исключительно “по милости Божьей ради Христа” [13, с. 117]. Логау приравняет к “Божьей милости” благосклонность сильных мира сего, и в этом обнаруживается свободомыслие поэта, который, по определению литературоведа из Кёльнского университета д-ра Адальберта Эльшенбройха (1914–1989), “всецело стоит на основной идее лютерова учения о вере и милосердии, но не культивирует в себе конфессионального чувства лютеранина” [14, S. 221–222]. Острие социальной критики поэта вновь нацелено в этой эпиграмме на стремление обожествлять князей и княжескую власть и тем способствовать ее упрочению. Сознательно или нет, поэт повторяет мысль, уже прозвучавшую в эпоху Реформации в фольклорном сборнике магистра Иоганна Агриколы из Эйслебена (1494–1566) “Триста общеупотребительных пословиц” (“Drehundert gemener Sprickwörde”, 1528) [1, S. 171]:

Милость князя и спасенье
Не даются за служенье.
[10, III, S. 36]

Противоречивость поэтического облика Логау состоит в том, что, будучи сатириком, избравшим князей, двор и придворную жизнь одной из главных мишеней своей сатиры, он в то же самое время был в полном смысле слова придворным поэтом (хотя и без раболепия), автором верноподданнических энкомиев⁶ герцогу и почтительных комплиментарных эпиграмм герцогине. Более того: если принять во внимание высказанное в 1929 г. немецким филологом Гюнтером Мюллером (1890–1957) определение так называемой традиции “придворной культуры”, в котором перечислены основные её идеи: “Бог, Добродетель, Эрос, Время” [15, S. 182], – то к данной традиции с полным правом можно отнести и все творчество Логау, в котором в избытке имеются и религиозная лирика, и моральные наставления, и любовные мотивы, и философские размышления, и картины современности.

Это мнимое противоречие объясняется просто: в Германии XVII в. для образованных людей практически не было иного места для приложения своих способностей, кроме княжеских дворов, а также университетов, органов городского

⁴ “Соединение несоединимого” (лат.).

⁵ Герцог Сильвий Нимрод известен также тем, что в 1647–1652 гг. при его дворе служил лейб-медиком другой знаменитый немецкий поэт-эпиграмматист XVII в. – Иоганнес Шеффлер, или Ангелус Силезиус (1624–1677).

⁶ Энкомий (от греч. ἐγκώμιον: “восхваление”) – хвалебная песнь.

самоуправления, церкви и некоторых других социальных ниш. Так, из немецких поэтов – со братьев Логау по литературному объединению, именуемому “Первой силезской школой”, Мартин Опиц (1597–1639) был придворным и посланником, Андреас Грифиус (1616–1664) – синдиком в Глогау⁷, Пауль Флеминг (1609–1640) – врачом, Андреас Чернинг (1611–1659) – профессором поэтики Ростоцкого университета, а друг Логау Венцель Шерффер фон Шерффенштайн (1603–1674) – органистом бригаской замковой капеллы св. Ядвиги Силезской. Статуса “независимого литератора” в то время не существовало, и за все столетие насчитывается только два исключения из этого правила – поэты Филипп фон Цезен (1619–1689) и Зигмунд фон Биркен (1626–1681). Для Логау же, предки и родственники которого служили при дворах императоров Карла V и Фердинанда I, а также при герцогских дворах Брига и Лигница, княжеская служба была естественным продолжением родовой и семейной традиции.

Будучи придворным по своему статусу, Логау уже в силу служебного положения не мог не откликаться в своих стихах на те или иные события жизни двора. Он должен был участвовать в так называемых придворных “поэтических играх”, сочинять длинные поздравительные эпистолы: князю – по поводу долгожданного заключения мира, княгине – по случаю Нового года, и т.д. Он был также автором целого сборника стихотворных приношений бригаской герцогине Анне Софии фон Мекленбург-Гюстров (1628–1669), который издал анонимно осенью 1652 г., в нескольких экземплярах для двора, под заглавием “Анна София, или Разнообразные стихотворения в честь Светлейшей и Высокородной Княгини и Госпожи... сочиненные Почтительнейшим Подданным”⁸. По мнению ведущего современного исследователя творчества и жизни Логау, профессора германистики из Билефельда д-ра Карла-Ульриха Зеельбаха (*1952), стихотворения этого сборника представляют собой “панегирические восхваления красоты и добродетели юной княгини... интересные благодаря своему контрасту с антипридворными стихотворениями поэта и как вклад в общежительность бригаского двора” [16, S. 46*–47*]. Все эти, написанные в стиле “придворного классицизма”, панегирики герцогу и герцогине, троим августейшим братьям – Георгу III (1611–1664), Людвигу IV (1616–1663) и Хри-

стиану II (1619–1672), а также всему княжескому дому силезских Пястов, носят несомненный отпечаток искреннего уважения и неподдельной симпатии. Это явствует, в частности, из эпиграммы “Герцогу Людвигу Бригскому”:

Благочестивый Пяст, друг праведности вечной,
Народ свой одарил отрадой бесконечной, –
И Польши получил в наследство он венец
С бессмертной хвалой признательных сердец.
И князь мой наделен высокой предка кровью:
Он правду и добро дарует нам с любовью;
Он, словно древний Пяст, стяжал своим делам
Здесь – вечную хвалу, благословенье – там.

[10, I, S. 233]

Последние герцоги из древнего польского королевского рода, которым к середине XVII в. принадлежали в Силезии только три небольших княжества на Одере, – Бриг, Лигниц и Волау, – были просвещенными государями; к ним как нельзя более относились процитированные выше заветы Лютера, адресованные христианскому князю. Трое братьев-соправителей всемерно заботились о благе народа в тяжкое время военного разорения и пользовались нелицемерной любовью своих подданных [17, s. 29, 184]. Патрон поэта герцог Людвиг, средний из братьев, состоял так же, как и Логау, в веймарском учено-литературном “Плодоносящем обществе”. На его гравированном портрете работы Иоанна-Баптиста Паравичини (†1665) по рисунку Эчехиэля Парициуса (1622–1671), датированном 1656 г. и находящемся ныне в музее герцога Антона Ульриха в Брауншвейге, изображен представительный мужчина в возрасте сорока лет, в латах, с несколько тяжелым, но умным и решительным лицом, тонкими усами, маленькой бородкой по французской моде и длинными собственными волосами до плеч, завитыми по обычаю того времени. Просвещенный властитель, Людвиг высоко ценил литературу и особенно поэзию, и охотно выступал в роли мецената, а также строил церкви и, по примеру своего отца, поддерживал в княжестве промышленность и сельское хозяйство. Он личным указом зачислил в 1644 г. Логау в штат своих советников, и нет сомнения в том, что в лице своего князя поэт нашел твердую опору и понимание. В тихом, провинциальном Бриге господствовали патриархальные отношения, основанные на личном доверии между властителем и подданными, и Логау своей критикой стремился лишь воспрепятствовать укоренению в нем тех пороков, которые вообще были свойственны абсолютистскому двору XVII столетия, и прежде всего – императорскому двору в Вене. В этом он мог всецело рассчитывать на одобрение и поддержку “большинства чиновни-

⁷ Синдик (от греч. σύνδικος) – чиновник городского магистрата. Глогау – город в Силезии (ныне – Глогув).

⁸ Anna Sophia oder Unterschiedene Getichte zu Ehren der Durchlauchten Hochgebornen Fürstin und Frauen... geschrieben von Einem Gehorsamen Unterthan [1652].

ков двора и самого герцога” [14, S. 218]. Отдавая в своих придворных панегириках дань обычаям века и исполняя светский долг, поэт одновременно осуществляет просветительскую программу:

Жизнь князей и их деянья хвалят все, пока те живы;
Не зовется ль это лестью? Нет, – но будем справедливы,
Чтоб врагов их недостаткам не умножить между нами,
Чтоб князьям о них напомнить, коль о них забыли
сами.

Ибо можно и пилюли, что весьма горьки порою,
Позолотою украсить, скрыв упрек под похвалою.

[10, II, S. 43]

III.

Жестокий герцог Сильвий Нимрод и венский императорский двор не были исключительными явлениями в немецкой политической жизни того времени. В абсолютистской Германии, особенно после Вестфальского мира 1648 г., надолго закрепившего политическую раздробленность страны и феодальный status quo, каждый княжеский двор представлял собой обособленный мирок, где все было подчинено произволу властителя, его чиновников и фаворитов. В глазах Логау двор – это средоточие всех пороков, и прежде всего – лицемерия: “Лживость – вот болезнь двора; / Тщетен труд ваш, доктора!” (“Придворная лживость”) [10, III, S. 51]. Основные занятия придворных – кутежи, обжорство и пьянство: “Жизнь придворная хмельная – / Веселее, чем иная: / Ведь в застолье у князей – / Шут, болван и дуралей” (“Там, где князя – без шутов нельзя”) [10, I, S. 28]. Людям бедным и простым при дворе делать нечего: их нужды там никого не интересуют, поскольку все занято устройством собственных дел: “Всяк, сосавший дома лапу, хочет при дворе кутить; / Тех, что пухнут с голодухи, – их лишь следует кормить” (“Придворные”) [10, II, S. 121]. Чиновники, служащие не из своекорыстных побуждений, при дворе также не нужны, ведь там у всех на уме только развлечения: “Кто любим придворною толпой? / Пьяница, охотник, верховой” (“Приятные придворные”) [10, II, S. 136]. Общепринятый тон при дворе – сервизм: “Похвально для придворных знать много языков, – / Но лучше всех – ослиный, на все согласный рев” («Хочешь быть придворным, да? Так учись кричать: “И я!”») [10, I, S. 175]. Придворным ни в чем нельзя доверять, и ошибается тот, кто всё, что видит при дворе, принимает за чистую монету: “Много ласки – мало сердца, / Злобный ум – за шуткой с перцем: / Той забавною игрой / Двор наш занят день-деньской” (“Придворные прикрасы”) [10, II, S. 130]. Принцип “при дворе нельзя верить никому” есть, согласно Логау, то идейное основание,

на котором зиждется весь неписанный свод правил придворной жизни. Поэт констатирует это в эпиграмме “Придворный катехизис”:

Кто веры ни малейшей придворным не дает, –
В придворной жизни сведущ, и сам придворный тот;
Придворный катехизис отсюда весь идет.

[10, III, S. 67]

В том же первом стихотворном сборнике Логау была опубликована эпиграмма “Придворная жизнь”, в которой нашел отражение опыт пребывания поэта при княжеском дворе в Бриге в ранние годы (1634–1637), когда он был еще простым служащим в канцелярии старого герцога Иоганна Христиана (1591–1639): «“Притворной” жизнь не зря придворная зовется: / В ней милости сулят, немилость же дается» [10, I, S. 28]. Однако эпиграмм этой направленности в сборнике 1638 г. пока еще немного. В полном собрании эпиграмм 1654 г. их значительно больше.

Количество их резко возрастает начиная с осени 1647 г., – к этому времени поэт уже три года исполняет в правительстве герцога Людвига обязанности “советника двора в государственных, хозяйственных и частных делах”. В декрете герцога от 29 сентября 1644 г. о назначении Логау на придворную должность о нем сказано следующее: “...Мы усматриваем и принимаем в соображение добрые свойства, прирожденную добродетель и искренность, которыми строгий, Наш дорогой и преданный Фридрих фон Логау из Прокодта (Брокута. – М.Н.) по милости Божьей облечен...” (цит. по: [18, S. 703]). По воспоминаниям его сослуживца по герцогской камер-коллегии, поэта духовно-мистического направления Даниэля Чепко фон Райгерсфельда (1605–1660), в служебные обязанности Логау входило “представлять своего князя на свадьбах, вручать от его имени подарки и произносить речи, а также совершать инспекционные поездки с целью обустройства герцогства” [16, S. 26*]. Статус придворного давал Логау возможность изо дня в день и из года в год не только близко наблюдать жизнь княжеского двора, но и самому принимать в ней непосредственное участие. Именно в это время появляются такие отличительные зарисовки с натуры, как эпиграмма 1650 г. “Придворные”:

Кто на службе князю рьяны, –
Сплошь ослы и обезьяны:
Те – лишь тяжести таскают;
Эти – князя развлекают;
Этих – холят и лелеют;
Те – куска просить не смеют;
Тех удел – не знать награды;
Эти – жрать всегда их рады.
[10, II, S. 96]

Однако уже в первые годы своего пребывания на новой должности Логау написал четверостишие “Придворные искусства”, в котором обозначил серьезную нравственную проблему, неразрывно связанную с придворной жизнью, – проблему дефицита морали. Мысль этой эпиграммы перекликается со словами Марка Аннея Лукана (39–65) в его поэме “Фарсалия, или О гражданской войне” (VIII, 493–494): “...тот двор да покинет, / Кто быть добродетельным хочет...” (“...exeat aula / Qui vult esse pius...”), – и это сходство свидетельствует о том, что проблема эта насчитывает не одну сотню лет:

Я искусство быть придворным
Рад постигнуть непритворно, –
Нужно с малого начать:
Стыд и совесть потерять.
[10, I, S. 162]

Но если людям с совестью при дворе не место, – то какими же качествами должен обладать человек, чтобы стать придворным? В ряде своих эпиграмм Логау дает ответ на этот вопрос: при дворе в цене тот, кто умеет работать руками (например, конюх или повар), или тот, от кого можно что-то получить (например, корову или коня). Те же, кто наделен невещественными достоинствами, как-то: честность, искренность, преданность, ум, добродетель, – ценятся там невысоко. Показательно, к примеру, четверостишие “На Корна” – одна из многочисленных сатирических эпиграмм с говорящими именами⁹:

Корн мечтает стать придворным, – что ж, прослав-
лен он дарами?
Нет, – как все, горазд работать лишь руками да
ногами.
И довольно! что нам больше? Ведь из внутреннего
знают
Там один желудок только – прочего не уважают.
[10, III, S. 91]

Взгляд Логау на придворную жизнь обусловлен прежде всего теми негативными явлениями, с которыми поэт сталкивался ежедневно и ежечасно. Этими явлениями были, разумеется, свойства, поступки и проявления людей, находящихся при дворе, с которыми Логау был поневоле связан общими интересами и служебными обязанностями. Именно от них поэт при первой же возможности уезжал в свое поместье, где в уединенном родовом замке или под сенью столетних елей пытался обрести покой и душевное равновесие. Там он на досуге сочинял длинные эклоги, в которых нашла свое выражение традиционная для элегической

поэзии социально-критическая тема ухода от городской цивилизации на лоно природы. В одном из этих стихотворений, – элегии 1653 г. “Деревня” (ст. 9–12), – поэт перечисляет все то, чего в придворной жизни он был бы рад никогда не видеть и не знать:

...Партийных склок позорных,
Народа толчеи, роскошества придворных,
Насмешек, гнета, лжи и лести с клеветой,
Слов приукрашенных и хитрости людской...
[10, III, S. 228]

В эпиграмме-инвективе с анаграмматическим заглавием “Царедворцы, иначе: горетворцы” (“Hofe-Leute, versetzt: hohe Teufel”) поэт уподобляет придворную камарилью... бесам (буквальный перевод анаграммы: “Придворные, с перестановкой: высокопоставленные демоны”). В четверостишии приведен перечень наиболее распространенных и характерных, как считает поэт, придворных пороков с прямой отсылкой к их “инфернальному” источнику:

Царедворцы – горетворцы: неужели слово верно?
Да, – ведь мучат, хуже бесов, бедняков они безмерно.
Клевета, коварство, лживость, лицемерье – вот их
слава,
Вот двора произведенья, вот бесовская забава.
[10, II, S. 58]

При чтении эпиграмм Логау на тему придворной жизни складывается впечатление, что недостатки, присущие обычным людям в миру, при дворе удваиваются и утраиваются, становясь своего рода профессиональным заболеванием чиновников, близких к сильным мира сего. Среди типичных свойств придворных Логау называет также алчность и высокомерие: эти характеристики постоянно присутствуют в его описаниях придворных нравов, так же как и антитеза изгоняемой правды и вознаграждаемой лести в ряде его “антипридворных” эпиграмм:

Приятны детям те, кто хвалит их игру;
Не любят дети тех, кто учит их добру.
У милостей двора и детской сходство есть:
Там правду гонят прочь – и награждают лесь.
[10, II, S. 172]

Сатирические инвективы по адресу князей, двора и придворных перемежаются у Логау печальными умозаключениями относительно участи тех чиновников, которые не стремятся, как другие, занять при дворе теплое местечко, а стараются, в согласии со своими религиозными, нравственными и этическими принципами, приносить зримую пользу людям. Мы не знаем наверняка, имеет ли Логау в виду себя самого, однако богатства

⁹ “Корн” означает “баран”, в переносном смысле: “дурак”, от лат. “cornu” – “рог”.

за время своей многолетней службы он не нажил. В эпиграмме “Придворные заслуги” поэт говорит:

Кто при дворе добро творит, –
Как двор его благодарит?
Ему бежать отсюда надо:
Лишь ненависть – его награда.
[10, II, S. 106]

Противопоставление двух непримиримых антагонистов – честного придворного, стремящегося служить князю и ближним всей душой и всеми способностями, и откровенного карьериста, использующего свое положение при дворе для скорого обогащения и стремящегося урвать кусок посылнее, – тема, весьма характерная для этих эпиграмм Логау. Видя, как княжеские милости и щедроты расточаются людям случайным и недостойным, поэт не может сдержать горького сарказма. В эпиграмме “Придворные” его обличительный пафос поднимается до уровня философского и даже религиозного обобщения, – заключительный тезис этого четверостишия отсылает к изречению из Евангелия: “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?” (Мф. 16, 26):

Всех лучший при дворе лишь у того доход,
Кто время на пиры, безделье, пьянство тратит;
И вправду, серебра и золота не хватит
Тому, кто свою жизнь и душу продает!
[10, I, S. 212]

Не странно поэтому, что Логау, представляющий собой редкий для любой эпохи тип “порядочного чиновника”, приходит, в конце концов, к прямо-таки революционным выводам. Поэт высказывает их в эпиграмме 1651 г. “Придворные блохи и вши”, о которой Н.А. Жирмунская писала: «Примечательно, что одна из эпиграмм Логау “Придворные блохи и вши”... близко перекликается с знаменитой “Песней о блохе” из “Фауста” Гете» [19, с. 182]. Так же, как и “Песня о блохе”, эпиграмма Логау радикальна по своей сути:

Блох и вшей, что мучат нас,
Принято давить тотчас, –
И терпеть не стоит гнет
Блох, сосущих кровь господ.
[10, II, S. 189–190]

В длинной (72 стиха) сатире 1653 г. “Придворная жизнь”, написанной Логау за два года до смерти, итоговом произведении на данную тему, поэт суммирует опыт своей жизни при дворе в веренице строф, перемежающихся рефреном: “Если счастлив сам с собой, – / Службы не ищи другой”. В стихах 13–64 этого стихотворения он констатирует:

Службы княжеской забота
Нам приносит за труды
Лишь немилостей без счета,
Горьких дум и злой нужды.
<...>
Пень слух господский нежит,
Если в нем сокрыта лесть;
Тот мотив им ухо режет,
Где хоть нотка правды есть.
<...>
Кто весь век о службе тужит,
Тот одно лишь получил:
Чем он более заслужит,
Тем он более немил.
<...>
При дворе лишь тот в фаворе,
Кто невзрачен, невелик;
Получает милость вскоре
Тот, кто гнется, как тростник.
<...>
Тот, кто честь там ищет честно, –
Не находит никогда;
Тот, кто праведен – безвестно
Пропадет там навсегда...
[10, III, S. 208–209]

Вызывает недоумение, как человек, высказывавший столь категоричные суждения и в таких решительных выражениях обличавший пороки власти и придворных, мог в то же время сам служить при дворе; ему, скорее, подошла бы роль гневного обличителя, отошедшего от общественной жизни и из своего уединения клеймящего зло и безнравственность высшего света. Так поступал другой бригадский поэт – друг и единомышленник Логау Венцель Шерфффер, уволенный в 1633 г. герцогом Иоганном Христианом от придворной должности за свободолюбивый и независимый характер [17, S. 66–67]. И тем не менее: “...где еще, как не при дворе, возможно изо дня в день постигать то, что христианин принадлежит к двум царствам – Божьему и мирскому?” [14, S. 220]. И где еще можно прийти к такому выводу, стоящему многих лет нелегкого жизненного опыта, как тот, что сформулирован поэтом в эпиграмме “Льстецы”:

Кто из кухни выгнать сможет жирных мух жужжащий хор?
Не исчезнут лицемеры, пока есть на свете двор.
[10, II, S. 237]

IV.

Социальная сатира Логау затрагивает не только князей и придворную камарилью: она выводит на свет “новое” явление общественной жизни того времени. В мире, по убеждению поэта, воцарилось дотоле невиданное божество – “свет-

скость” (“Höflichkeit”), она же – “политичность” (“Politisch-Sein”, “Welt-Kunst”), – уродливое детище “модного образа жизни” (“A-la-Mode-Wesen”), пришедшее, как и всё негативное той эпохи, из Франции. В эпиграмме “Исправившийся мир” поэт говорит:

Что там попы везде кричат –
Мол, исправляться мир не рад?
Притворство в нем все чаще – редкость
С тех пор, как появилась светскость.

[10, III, S. 200]

Франция была в XVII веке страной, культурное влияние которой на другие европейские государства, в том числе и на Германию, трудно переоценить. Подражание французским обычаям, моде и образу жизни охватило все слои немецкого общества, от князей до простонародья. В одном из критических сочинений того времени, – небольшой книжечке врача, астролога и поэта Кристофа Шорера (1618–1671) “Неучтивый погубитель немецкой речи” (1643), – говорится: «Теперь дошло до того, что любой немец, поглазевший с полгода на Францию или слышавший всего одного француза, теряет вкус к своему родному языку и считает, что нет большего порока, чем воздерживаться от включения в свой немецкий обрывков французского. Ранее все совершалось согласно здравому смыслу: “да” значило “да”, “нет” значило “нет”; но с появлением французской галантности немецкая преданность, вера и честность покинули Германию» (цит. по: [20, с. 229]).

Влияние французской культуры в Германии той эпохи выразилось в идее “остроумия” и “легкости” во всем – в повседневном поведении, оценке жизненных явлений и т.д., вплоть до личных отношений между людьми. Французские “кавалеры” сделали для немецких юнкеров образцом для подражания. Прежние идеалы немецкой старины, которым Логау посвятил так много теплых, сочувственных строк, – честность, верность, добродетель, радушие, порядочность, мужество, – оказались отодвинутыми на задний план, осмеянными и забытыми. Всюду торжествовали французское остроумие, французская “светскость” и французская неразборчивость в средствах для достижения целей. «Новомодный аристократический жизненный идеал, модный стиль жизни имели свое происхождение в католических странах, в Италии, Испании и Франции. Они были клерикально окрашены и созданы романским чувством формы. Вместе с Веной и твердо профранцузски ориентированными дворами в Штуттгарте и Гейдельберге, подобно обвалу, захватила “новая страсть” – модернизм – прежде всего, католический юг Германии...» [21, S. 341].

Все это не могло, с одной стороны, не оказать влияния на общий стиль немецкой жизни, а с другой – не найти отражения в сатирической поэзии того времени. В эпиграмме “Французские ужимки” Логау беспощадно язвит:

Мы примеряем, о французы,
Немецкой славе ваши блузы,
А вам одно должно остаться –
Над нашей дурью потешаться.

[10, III, S. 79]

К концу столетия французское влияние в Германии усугубилось. Немецкий язык был полностью изгнан из придворной жизни и из общения образованных сословий. Эта тенденция имела продолжение и в следующем столетии: достаточно вспомнить Вольтера, который при дворе Фридриха Великого в Берлине чувствовал себя так, словно и не уезжал из Парижа. Однако уже в середине XVII в. мыслящие и патриотически настроенные люди видели опасность, которая отсюда проистекает, и предупреждали, что подражание языку и нравам чужого народа пролагает путь владычеству этого народа. Среди них был и Логау, который в эпиграмме 1648 г. “Французская мода” писал:

Узнают хозяев слуг по фасону их ливрей.
Значит, Франция – барон, а Германия – лакей?
О, отчизна, устыдись быть прислугой поскорей!

[10, I, S. 212]

Впрочем, взгляд Логау на проблему “светскости” как элемента чужой и враждебной культуры и на ее частный случай – придворное лицемерие, опирается не только на современные поэту социальные тенденции и отсылает не только к чуждым влияниям, но восходит также и к автохтонным источникам. Логау предстает здесь как наследник сатирической традиции немецкой литературы прошлых веков. Об этом свидетельствует наличие у него эпиграмм, близких по своему содержанию к немецкому фольклору, – в частности, к народным шванкам из ренессансного сборника францисканского монаха Иоганна Паули (1455–1533) “Смех и дело” (1522). Так, в шванке № 52 сборника Паули читаем: “...ибо при княжеских дворах приходится постоянно угождать и льстить князю, чтоб тебя накормили и напоили, и, будь ты хоть трижды прав, признавать во всем княжескую правоту. Похвалит кого-нибудь князь – изволь поддакнуть, побранит – согласишься и тут...” [22, с. 56]. Ср. эпиграмму Логау “Придворные подражатели”:

Мне улыбнется князь – и все мне улыбнется;
Посмотрит кисло он – все тотчас отвернется:
Ведь куклы делают, что хочет кукловод,
И поступают так, как он их поведет.

[10, II, S. 109]

Помимо издания Паули, в творчестве Логау можно найти немало параллелей и с еще более ранними произведениями немецкой литературы – к примеру, с популярнейшей в Германии на протяжении нескольких столетий сатирической эпопеей средневекового юриста, прозаика и поэта Себастьяна Бранта (1457/58–1521) “Корабль дураков” (1494). Как и Логау, Брант в своей поэме разрабатывал, в числе прочего, также и проблематику придворных отношений и, в частности, тему придворного лицемерия. Отдельные “антипридворные” эпиграммы Логау близко перекликаются с поэмой Бранта по своей тематике:

Пес с лизоблюдом оближут тарелку;
Лает один, льстит другой за безделку.
Этот – кормящих его охраняет,
Тот же – кормильцев своих разоряет.
[10, I, S. 228]

Необходимо отметить все же, что отнюдь не XV век был временем зарождения того социального явления, которое поэт обличает в своих эпиграммах. Классические образцы лицемерия, как намеренной лжи с корыстными целями, встречаются уже в Священной истории, из которой явствует, что у восточных народов во все времена “обман для достижения своих целей считался за ловкость” [23, с. 823]. Библия, почитавшаяся у современников и единоверцев Логау столь высоко, что заслужила прозвание “бумажного папы”, дает тому целый ряд красноречивых примеров: здесь и история Иакова, который хитростью получает благословение своего отца Исаака, выдав себя за старшего брата Исава (Быт. 27, 1–29); и хитрость Лавана, дяди Иакова, подсунувшего Иакову свою дочь Лию вместо Рахили (Быт. 29, 21–25); и “ловкий” обман Иаковом Лавана в истории со скотом (Быт. 30, 29–43); и повествование о мести сыновей Иакова за бесчестие своей сестры Дины (Быт. 34); и история ограбления египтян евреями во время их исхода (Исх. 12, 35–36), – а также евангельская притча о “неверном управителе” (Лк. 16, 1–8) и другие места Святого Писания. Потому-то Логау и замечает:

Тому, что люди суть лжецы, пора бы разъясниться.
Ложь – это ловкость: так о ней в Писанье говорится;
А ловкость светскостью зовут. Кто ж этого стыдится?
[10, II, S. 32]

Иначе говоря, пресловутая новомодная “светскость” является всего лишь новой личиной старого, как мир, человеческого свойства, освященного к тому же высоким авторитетом религии, выступающей в данном случае в роли *magistram vitae*. Однако “светскость”, она же “политичность”, как и любая другая идея, не существует

в мире сама по себе, но воплощена в конкретных людях, против которых может быть направлено острие убийственной сатиры.

V.

Исторический персонаж, с обличениями которого выступали практически все немецкие эпиграмматисты XVII века, – это так называемый “кавалер”, придворный авантюрист эпохи абсолютизма, галантный “*homo politicus*”, то есть “светский человек”, живущий милостями сильных мира сего. С этим-то социальным явлением Логау и ведет при помощи своей сатиры беспощадную борьбу. Точным портретом с натуры “совершенного придворного” является эпиграмма “Современная светскость”, относящаяся к 1648 г.:

Быть одним – внушать иное;
Думать то – сказать другое;
Все сносить, всем прочить славу;
Всем польстить, прийти по нраву;
Вторить всем ветрам покорно;
Злу с добром служить проворно;
В жизни каждую затею
Мерить выгодой своею:
Кто привык в том упражняться,
“Политичным” может зваться.
[10, I, S. 210]

Принято считать, что на формирование этого социального типа оказал значительное влияние образ “идеального придворного”, созданный итальянским писателем эпохи Возрождения Бальдессаре ди Кастильоне (1478–1529), известным нам по портрету кисти Рафаэля. Трактат Кастильоне в жанре “диалогов” “Книга о придворном” (“*Il libro del cortegiano*”) был написан в 1514–1524 гг. и опубликован в Венеции в 1528 г. Герой “диалогов” Кастильоне представлен как тип “совершенного человека”, “*l'uomo universale*” эпохи Возрождения, ренессансный идеал разносторонне развитой, гармонической личности: «“Придворный” Кастильоне выдвигал идеалы, осознав которые, его современник с большей легкостью мог бы пойти по пути самоусовершенствования, руководствуясь на своем жизненном пути чувством вкуса» [24, с. 139]. Своему герою автор приписывает свойство, именуемое “*virtú*” (от лат. “*virtus*”), что в переводе с итальянского означает не только “доблесть”, но и “достоинство”, и “талант”, и целый ряд других качеств. Требования, которым, по мнению автора, должен отвечать придворный, включают широкую образованность, красоту и изящество, владение всеми навыками, присущими людям высшего света, и многое другое, включая рисование, игру на музыкальных инструментах и даже знание

греческого языка; он пытается регламентировать в своем герое всё вплоть до роста и телосложения [25, с. 38]. Эти идеи Кастильоне побудили венецианского сатирика Пьетро Аретино (1492–1556) написать пародию на его сочинение под названием “Комедия придворных нравов” (1525–1534), в которой свойства “идеального придворного” представлены в виде их прямых противоположностей: “Главное дело, чтобы придворный умел богохульствовать, умел быть игроком, завистником, блудником, еретиком, льстецом, злословцем, неблагодарным, невежественным ослом; чтобы он умел молотить языком...” [25, с. 43].

Приходится признать, что и в данном случае сатира оказалась намного ближе к подлинной жизни, – или же возвышенный идеал, нарисованный Кастильоне, как это всегда бывает, претерпел кардинальные изменения при своем воплощении в действительность. Предпосылки данной метаморфозы были, по-видимому, изначально заложены в самом образе “l'uomo universale”. По мнению швейцарского историка культуры Якоба Буркхардта (1818–1897), “cortegiano” Кастильоне – на самом деле плохой придворный, ибо собственная личность для него дороже, чем служба герцогу: «“Кортиджиано”, т.е. “придворный”, каким его изображает Кастильоне, служит образцом обхождения, но в сущности он представляется еще в большей степени примером личного совершенствования ради самого себя... здесь не столько человек приспособлен для двора, как двор скорее существует для него» [26, с. 113]. Пресловутое “virtù” на деле касается лишь внешних проявлений героя и, по сути дела, вполне сочетается с нравственным убожеством. По всей вероятности, прототипом для “совершенного человека” Кастильоне послужил кардинал Феррары Ипполито д’Эсте (1479–1520), из ревности приказавший ослепить своего брата Джулиано [27, с. 128–130]. Впрочем, прототипов у сочинителя было много, начиная от известного гуманиста Пьетро Бембо (1470–1547), автора “Азоланских бесед”, и кончая, естественно, самим графом ди Кастильоне. Но, кто бы они ни были, существенно иное: то, что, как и всякий утопизм, теория Кастильоне оказалась нежизнеспособной по определению. На практике в облике ренессансного придворного присутствовали все признаки того “нового” общественного явления, которое так негативно проявилось в современной Логау действительности, и формулу которого он дает в целом ряде эпиграмм:

Что значит “светским” быть? В кустах сидеть
трусливо,
Изящно обещать и надувать учтиво.
[10, II, S. 17]

Влияние католической Италии на немецкую культуру и обычаи продолжалось более 350 лет, с XIV по XVII вв., и лишь к середине последнего столетия было, как и параллельное ему влияние испанской культуры, постепенно вытеснено французским. К числу безусловно позитивных факторов рецепции итальянской культуры Возрождения в Германии можно отнести основание в 1617 г. в Веймаре, по образцу флорентийской “Accademia della Crusca”, учено-литературного “Плодоносящего общества”, ставившего своей задачей борьбу за очищение немецкого языка от чужеродных (прежде всего, французских) заимствований, поощрение патриотических чувств и деятельную поддержку национальной литературы (Логау был членом общества с 1648 г.). К числу негативных – пагубное воздействие вольных итальянских нравов на отличавшиеся провинциальной простотой и порядочностью немецкие, агентами которого были, помимо прочего, итальянские духовные лица, занимавшиеся в Германии сбором средств на нужды римской церкви и продажей индульгенций. Итальянскую распущенность, лживость придворных и лицемерие служителей церкви уже в XVI в. клеймил в своих немецких стихах Ульрих фон Гуттен (1488–1523) и гневно обличал в проповедях Лютер. Свой вклад в эту критику внес и Логау, в эпиграмме которого “Италия” расхожее представление об этой стране как о “земном рае”, посредством библейского мотива “грехопадения”, трансформировано в традиционное для немецкой сатиры обличение нравов:

Италия по праву зовется “рай” у всех:
Ведь там любой приезжий легко впадает в грех.
[10, I, S. 42]

Упомянувшийся нами в начале статьи литературовед Хельмут Кизель, в свою очередь, усматривает первоисточник “светского лицемерия” как этического принципа в так называемой “философии придворной жизни” (“filosofia cortesana”), которую в XVII в. проповедовал испанский писатель-иезуит Бальтасар Грасиан-и-Моралес (1601–1658). По мнению Кизеля, эта философия “...уже при жизни Логау, в ее своеобразных зыбких жизненных принципах... отлилась в свою и по сей день соблазнительную форму” [1, S. 175]. Критик, по всей вероятности, имеет в виду первые два трактата Грасиана – “Герой” (1637), одобрительно встреченный публикой и еще при жизни автора трижды переизданный и переведенный на французский, – а также “Политик” (1640), его менее удачное продолжение, которое, по-видимому, и дало имя всему рассматриваемому явлению. Но, в сущности, трактаты Грасиана, подобно диалогам Кастильоне, суть не более чем плоды

благих намерений их автора, искренне стремившегося просветить современников, предлагая им образец изящной и удобной жизненной философии в их повседневном поведении, – хотя иные из его рекомендаций могут и в самом деле показаться сомнительными, подтверждая вышеприведенное мнение Кизеля о “зыбких жизненных принципах”, проповедуемых их автором.

Как бы то ни было, вину за “создание” исследуемого феномена снимает с Грасиана Л.В. Пумпянский, который в своей работе “Ломоносов и немецкая школа разума”, ссылаясь на монографию мюнхенского филолога Карла Борински “Бальтазар Грасиан и придворная литература в Германии” [28], говорит: «Первый серьезно поставил этот вопрос К. Боринский. Заслуга его заключалась в том, что он... заговорил о типе “политического”, как он выражался, человека, противоположном предшествующему типу “гуманиста”. И тогда, в эпоху гуманизма, поэзия была близка к двору, “но разница состоит в том, что тогда двор стал ученым и поэтическим, а теперь ученость и поэзия стали придворными”... Но Боринский чрезвычайно преувеличил роль испанского иезуита Грасиана, превратив его в создателя целого человеческого типа. Между тем еще раньше 1630 г. (дата “Героя”, первого трактата Грасиана)¹⁰ появилась “Аргенида” Баркляя (1621), одна из влиятельнейших книг эпохи абсолютизма, настольная книга Ришелье... “Аргенида” представляла полный свод абсолютистской морали... Но “Аргенида” представляла и самую настоящую героизацию сервиллизма» [29, с. 6–7].

По всей вероятности, философско-этическое обоснование “светского лицемерия” в Европе XVII в. проистекало отнюдь не только из фантастического проекта итальянского царедворца, благонамеренных творений испанского иезуита или историко-политического романа французского шотландца Джона Баркляя (1582–1621). Не менее актуальной для той эпохи, все еще в значительной степени ориентированной на культуру итальянского Ренессанса, была политическая философия другого католического автора – Никколо ди Бернардо деи Макьявелли, или Макиавелли (1469–1527). Современник Кастильоне, секретарь Городского совета Флоренции, Макиавелли был автором широко известного трактата “Государь” (1513), в котором он, среди прочего, описал свойства характера, приемы власти и навыки, необходимые для правителя, а также изложил правила политической деятельности, не стесняемой никакими нравственными принципами.

Судя по всему, итальянский “макиавеллизм” в политической и общественной жизни был знаком Логау и его современникам не менее, чем испанский “грасианизм”, – на это указывает эпиграмма “О Макиавелли”:

Хоть иной его бранит, – сам же втайне подражает:
Не ученье он хулит – он огласку осуждает.
[10, II, S. 161]

Следует признать, что “инновацией” итальянского “политолога” была именно идея, что политика и мораль – вещи не всегда совместимые. В своем сочинении он и в самом деле дает государям ряд советов, за которые его с полным правом можно обвинить в беспринципности и даже цинизме. Однако несомненно и то, что автор имел своей целью единственно благо правителя и был движим желанием облегчить последнему бремя власти, приводя справедливые и практически уместные соображения и указывая на те случаи, когда следование принципам морали может повредить государю, в то время как, отбросив моральные соображения, он сможет упрочить свое правление на благо подданных. Именно эта система взглядов получила впоследствии наименование “макиавеллизма” как синонима безнравственности и неразборчивости в достижении практических целей и возымела такое негативное влияние на современников и потомков: ведь то, что позволено государю, еще охотнее позволяют себе его подданные. Тем не менее, знаменитого афоризма “Цель оправдывает средства” (“*Finis sanctificat media*”), приписываемого Макиавелли, мы на страницах его трактата не находим, и его автором он, судя по всему, не является. Мысль эта, впрочем, встречается еще у Овидия: “*Exitus acta probat*” – “Результат оправдывает действие” (“Героиды”, II, 85), а в Новое время схожее суждение высказывалось английским философом Томасом Гоббсом (1588–1679) в трактате “О гражданине” (1642). Очевидно, подобный тип социального поведения был всецело в духе времени и, что называется, “носился в воздухе”. Логау констатирует это в эпиграмме “Перемены в нравах” (ст. 3–4):

Меняются и средства, пока нас цель влечет;
Когда ж ее достигнем, то средства уж не в счет.
[10, I, S. 211]

VI.

Идейный конфликт, в который поэт оказался – в силу обстоятельств – вовлеченным, имел своими истоками социально-исторические условия той эпохи. Шведский исследователь эпиграмматики

¹⁰ Так у Пумпянского. – М.Н.

из Гётеборга д-р Аксель [Мартин] Линдквист (1882–1959) прослеживает в немецкой культурной и общественной жизни, а также в немецкой литературе этого периода три ведущие тенденции: «...мистико-религиозную; галантную, то есть “придворную”, римско-католическую, “модную”; и, наконец, в виде реакции на последнюю, – консервативную, бюргерскую, национально-немецкую, протестантскую» [21, S. 315]. Вне всяких сомнений, Логау принадлежит к третьей из этих категорий и, исходя из принципа протестантской, или, что равнозначно, *немецкой* честности, отрицает главный атрибут романской католической придворной культуры – “светскость”, то есть лицемерие, – хотя и сознает весь утопизм данной контрверзы, видя, что перед “светскостью” преклонилось всё и вся: и общество, и двор, и власть, и даже Церковь:

В лакеях христианство, а светскость днесь – барон;
Корысть сидит на троне, и в карцере – закон.

[10, III, S. 6]

Выдающийся немецкий мыслитель, литературовед и критик Иоганн Готтфрид фон Гердер (1744–1803) издал в 1767–1768 гг. теоретическое сочинение “Фрагменты по новой немецкой литературе”, в котором впервые выдвинул идеалистическую концепцию столкновения между “германскими” элементами немецкого национального характера и враждебным последнему “римским” влиянием. Согласно Гердеру, римское владычество античного периода и засилье католической церкви в Средние века вылились в эпоху Ренессанса в течение неолатинского “гуманизма”, которому он противопоставляет исконно немецкий “германизм”. Духовными столпами сопротивления натиску чужеродной культурной традиции Гердер считал двух классиков эпохи барокко – Опица и Логау. Оба они, по его мнению, принадлежали к тем авторам, которым был в особенности присущ немецкий национальный характер. Среди его типичных положительных свойств он называет “прямоту и честность, правдивость в словах и помыслах, добродушие, готовность прийти на помощь” [30, S. 553]. Как отмечает историк немецкой литературы из Оснабрюка д-р Клаус Гарбер (*1937), Гердер считал как Опица, так и Логау “последними сторонниками старонемецкой линии против латинизированной ученой литературы XVII в. и франкофильствующей светской культуры XVIII в.” [31, S. 65–66].

Тема “пагубного” романского влияния, разлагающего “простые и честные германские души”, – одна из наиболее ранних в творчестве Логау. Отдельные эпиграммы на “галантных ка-

валеров” встречаются уже в первом стихотворном сборнике поэта, вышедшем почти одновременно с первыми трактатами Грасиана. В антивоенной сатире “Пробужденная Химера”, написанной в те же годы (1639), Логау прямо говорит: “Ведь он же – кавалер: пришел для обольщения, / Для выигрыша к нам и для обогащения” (ст. 45–46) [10, I, S. 70]. Следовательно, поэт уже в то время не сомневался в том, что “светскость”, или “политичность”, есть не что иное, как искусство обмана, обольщения и наживы, практикуемое пришлыми чужаками, – испанцами, итальянцами, французами, – занесенными на немецкую землю всеевропейской войной, людьми авантюрного склада, которым безразличны такие высокие понятия, как совесть, порядочность и честь, и для которых важно только собственное благополучие, приобретаемое бесчестным путем. Логау говорит об этом в эпиграмме 1647 г. “Умение всем понаравиться”:

Суметь прийти по нраву всем

Дано, я думаю, лишь тем,

Для коих равная цена –

Ложь, правда ль, Бог иль сатана. [10, I, S. 175]

Таким образом, формирование социального типа, о котором идет речь, к концу 30-х гг. XVII в. уже вполне завершилось. Как замечает литературовед Эрика Фогт в работе “Антипридворное направление в литературе немецкого барокко” (1932), сущность “светского человека” состоит для Логау в “преувеличенном внешнем лоске и внутренней пустоте” [32, S. 32], – однако именно этот тип является фаворитом сильных мира сего. Ряд качеств, бывших постоянными атрибутами “светского человека” и вызывавших острую критику современников, – таких, как “дипломатическая изворотливость, знание света, социальное приспособленчество, искусство притворства, свобода от предрассудков, виртуозное умение обезопасить себя во время общественных выступлений” [14, S. 218], – обеспечивали его жизнеспособность. Естественно, что Логау, принадлежавший к диаметрально противоположному человеческому типу, вступает со “светскими людьми” в острый конфликт. «Против “современной светскости” он выводит на поле боя “честность” и ставит идеал честного человека против идеала кавалера» [32, S. 31]. По замечанию мюнхенского филолога д-ра Ютты Вайсс, Логау трактует честность как исконно-немецкое свойство: его консерватизм обращен в прошлое не без идеализации последнего, выражающейся в «пропаганде консервативных установок по схеме “прежде – теперь”» [33, S. 178]. В эпиграмме “Кавалер” антагонистом новомодного, заимствованного у французов типа

“светского человека” выступает полумифический “древний немецкий герой”:

Что ныне кавалер, то был герой когда-то;
Там – смелость и душа, здесь – милости и злато.
[10, I, S. 66]

Понятия “прежде” и “ныне” в творчестве поэта указывают на два хронологических периода, граница между которыми проходит по рубежу войны; поэтому речь может идти скорее о “до” и “после”, и насколько с первым соединено представление обо всем позитивном в немецкой жизни, настолько же со вторым связано все негативное: “Старинная немецкая честность и храбрость определялись как норма, презируемая современностью” [33, S. 178]. В целом ряде своих эпиграмм поэт отсылает читателей к прежней, “идиллической” эпохе, обнимающей собой едва ли не всю историю Германии вплоть до XVII века. Страна, по мнению Логау, представляла собой в то время “оплот честности” и всех добродетелей; виновниками разрушения этой “идиллии” поэт считает войну и пагубное иноземное влияние:

Германия! Ты в век иной
Считалась честности страной, –
Но свалкой стала с этих пор,
Куда свой срам, порок, позор
И все, что выбросить могли,
Твои соседи нанесли.
[10, I, S. 121]

В творчестве Логау имеется целый ряд социально-критических эпиграмм, в основе которых лежит эта, выражающая сущность социально-утопических взглядов поэта, схема “прежде – теперь”, с противопоставлением позитивного прошлого негативному настоящему. В ряде других стихотворений поэт выражает свою тоску по ушедшему “золотому веку” и сожалеет, что его невозможно вернуть. Одним из наиболее ярких воплощений контрверзы прошлого и настоящего в творчестве Логау является эпиграмма “Гнусный век”, опубликованная еще в его раннем сборнике. В этом стихотворении антитеза “героического былого” и “постыдного нынешнего” нашла свое отчетливое выражение не только в противопоставлении образов “славных предков” и “преступных современников”, но и в исторической ретроспективе эволюции “от лучшего к худшему”:

Пусть наши деды были рады
О славных предках петь баллады,
Известных доблестью своей, –
Но если Бог нам даст детей,
Те века нашего деяний
Не смогут вспомнить без рыданий.
[10, I, S. 22]

С прошлым Германии, являющимся, по убеждению Логау, воплощением всего “светлого”, в противовес “темному” настоящему, связано социальное самоопределение поэта, мыслящего себя продолжателем идейных установок прежнего *modus vivendi* и приверженцем традиционных моральных ценностей, опиравшихся на религиозно-этические идеалы Реформации и погибших в пожаре Тридцатилетней войны.

VII.

Триада общественных и жизненных приоритетов Логау, а также выстраиваемая поэтом духовно-социальная иерархия были сформулированы им уже в ранний период его творчества – в относящейся к началу 1640-х гг. эпиграмме “Жизненное правило”, представляющей собой своего рода автобиографический манифест:

Живу ли, – так живу:
С Господом не крив,
С герцогом не лжив,
С ближними правдив.
Умру ли, – так умру!
[10, I, S. 102]

На исходе жизни, в одной из последних эпиграмм своего собрания, написанной в 1653 г., – “Мои господа”, – поэт повторяет эту формулу, вновь декларируя тем самым свою жизненную позицию христианина, придворного и честного человека:

У двух господ быть – тяжкий труд, а я служу троим,
И должен честно послужить всем господам своим:
Служу я Богу моему всем сердцем с прилежаньем,
И князю своему служу умом и понимаюем,
И ближним в помощь должен я руками порадеть;
Надеюсь, что пред ними я свой долг исполню впрעדь.
[10, III, S. 241]

Поэт, по существу, присоединяет к двум положениям евангельской заповеди о любви к Богу и ближнему третье, определяющее норму социальных отношений в мире. Князь занимает в этой иерархии среднюю ступень, представляя собой своего рода “переходное звено” между Богом и ближними, и, будучи, так сказать, “частным случаем” ближнего, наделяется отдельными привилегиями “бога”. В соответствии с этим самая идея общественного служения освящается религиозной трактовкой и авторитетом Писания и, в частности, тезисом апостола Павла о необходимости подчинения любой власти как Божьему установлению: “Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены” (Рим. 13, 1).

В том, что свою роль в социальной иерархии Логау понимает именно в духовном смысле, нас убеждает тождественность его высказываний на данную тему с высказываниями самого Лютера. Когда в другом своем поэтическом манифесте – сатире 1641 г. “Поэзия” [10, I, S. 97] – он заявляет: “Я – каждому слуга, служу, кому могу” (ст. 47), это его утверждение находится в полном соответствии со второй половиной упомянутого в начале настоящей статьи тезиса из трактата Лютера “Свобода христианина”: “Христианин является покорнейшим слугой всего сущего и подвластен всем” [9, с. 25], а также и с утверждением великого реформатора, в его трактате “О светской власти”, о том, что “...истинный христианин живет в этом мире не для самого себя, а для своего ближнего, которому служит” [9, с. 138]. Логау продолжает эту мысль в духовной эпиграмме “Труд христианства”:

Небес восхваленье и ближним служенье –
Сей труд христианам положен в терпенье;
Сей труд их начнется в земной этой жизни,
Чтоб стать совершенным в небесной отчизне.
[10, II, S. 172]

Идея общественно-полезного служения в понимании Логау обуславливает, таким образом, основной принцип социального поведения христианина и становится первой морально-этической заповедью придворного. Установка на служение ближним обязательна для лютеранина, что поэт подтверждает как своими стихами, так и жизнью. Бреславльский филолог и ректор гимназии в Гёрлице (Силезия) Эрнст Густав Эйтнер (1835–1901), один из первых исследователей творчества Логау и автор критического издания его эпиграмм 1872 г., говорит о нем: “В строгом понимании своих обязанностей по отношению к ближнему Логау стоит на нравственной высоте рядом с лучшими из своих современников” [18, S. 728]. Степенью преданности человека интересам его ближних определяется для поэта и самая вера:

Замечают, что на том вера зиждется у нас,
Сколь правдивы и верны нашим ближним мы подчас.
[10, II, S. 146]

Из религиозного миропонимания Логау непосредственно проистекает активное неприятие поэтом вышеописанного феномена “светскости” или придворного лицемерия. “Он отстаивает совесть против сделок, которые по случаю позволяют себе светский человек”, – замечает Эрика Фогт и продолжает: “Христианскую жизнь он понимает так же этически строго, как Лютер” [32, S. 32]. Религиозное мироощущение поэта и обусловленное им

отношение к “светскости” побуждают его видеть в деятельности представителей этого социального явления не только прямое нарушение близкой его сердцу идеи общественного служения, но и откровенное попрание “правды Божьей”, и даже прямое служение злу:

Тот премного одарен благосклонностью двора,
Кто со всем усердьем зло чтит не менее добра.
[10, II, S. 63]

Исходя из своего религиозного миропонимания Логау определяет нравственную формулу социальных отношений. Поэт далек от уравнивания общественных различий на основе пресловутого христианского “всеобщего равенства”, – того, которое практиковали в следующем столетии немецкие сектанты-гернгутеры. С их точки зрения, представители низших сословий «...являлись не только равными “братьями во Христе”, но... даже более достойными христианами» [34, с. 62]. Для Логау корень проблемы лежит в духовной сфере: в точном соответствии с учением Лютера, верным, в свою очередь, духу и букве евангельских и апостольских писаний, поэт сохраняет сословную иерархию общества при условии личной ответственности каждого из ее начальствующих членов перед Богом:

Подданный и господин – оба страх иметь должны:
Сей – пред тем, пред Богом – тот; в этом благо для страны.
[10, II, S. 44]

Нравственная и духовная высота человека, по убеждению Логау, состоит не в придворной должности или чине, а в способности к самоумалению и самоотречению ради ближних, по слову Евангелия: “...кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом” (Мф. 20, 26–27). В то же время, по мнению поэта, власть, погрязшая в пороках и преступлениях, утрачивает свое моральное основание и теряет право властвовать, врученное ей Богом, поскольку, по слову апостола Иоанна, сама пребывает в рабстве: “всякий, делающий грех, есть раб греха” (Ин. 8, 34). Этот тезис развивает и блаж. Августин в своем трактате “О Граде Божьем” (IV, 3): “...Человек добродетельный, даже если он и находился в рабстве, свободен; напротив, злой, даже если он и царствовал, раб, и раб не одного человека, а что гораздо хуже – столько господ, скольким порокам он подвержен” [35, S. 173]. Та же мысль высказана в эпиграмме “Господин и слуга”:

Кто служит – господин, коль он смирен глубоко;
А господин – слуга, когда он раб порока.
[10, I, S. 77]

VIII.

Исповедуемый Логау “раннепросветительский” социально-этический идеал “честного придворного” не содержит в себе чего-либо принципиально нового для его времени: он восходит к наделенному утопическими чертами прошлому, где поэт, в духе классицизма, указывает своим современникам на образцы, достойные подражания, и на общественные отношения, к возрождению которых следует стремиться. Он напоминает им о евангельских заповедях, призывая вернуться к религиозным основам общественной жизни в духе Лютера. В силу этого, по замечанию исследователя, «лейтмотив “честного человека при дворе” есть не только постулат Просвещения: в своей религиозной основе он происходит из Реформации, и поэтому должен был пережить эпоху абсолютизма, прежде чем быть секуляризованным Просвещением» [14, S. 218].

Как известно, книга эпиграмм Логау не получила широкого распространения при жизни автора, и вскоре после его кончины эпиграммы были забыты более чем на столетие. Таким образом, «в XVII столетии протест Логау против “светскости” и “модного образа жизни” остался неслышанным; к началу XVIII века он и его эпиграммы были уже неизвестны» [1, S. 175]. Однако сатирическое обличение поэтом социальных условий его времени, будучи прямым продолжением сатирической традиции немецкой литературы Средних веков и эпохи Реформации, явилось, в свою очередь, предпосылкой социально-обличительной сатиры века Просвещения, одним из главных представителей которой был выдающийся критик, драматург и поэт Готтхольд Эфраим Лессинг (1729–1781). В соавторстве с берлинским стихотворцем Карлом Вильгельмом Рамлером (1725–1798) он вновь “открыл” и издал в 1759 г. эпиграммы почти совершенно забытого к тому времени поэта. В свой сборник, составляющий по объему немногим более трети прижизненного издания 1654 г., Рамлер и Лессинг отобрали без малого девяносто эпиграмм на тему княжеской власти, двора и придворной жизни.

“Обращение Лессинга к Логау объясняется не только его склонностью к эпиграматике. Лессинг нашел у Логау уже сформулированными многие свои взгляды на мир, общество и человека...” [36, S. 247]. Сын пастора из Каменца в Саксонии, по своим убеждениям – последователь Спинозы и антиклерикалист, Лессинг в своем творчестве неукоснительно придерживался мнения, что путь немецкой литературы должен идти “мимо княжеских дворов и молитвенных домов”

[37, с. 124], – и был твердо убежден, что эту точку зрения разделял с ним и Логау. Таким образом, в сатирическом поэте эпохи барокко деятель века Просвещения нашел “родственную душу”, – ибо он, как и Логау, сам был не прочь заклеить неправедную власть язвительной эпиграммой:

“Как зверя наизлейшего зовут?” –

Раз мудреца король спросил великий.

Ответил тот: “Тиран – опасней всех среди диких,
А среди домашних – лизоблюд”.

[38, S. 54]

Впрочем, Лессинг не только издал стихотворения Логау, – он также воспользовался ими как вдохновляющим материалом для своего собственного обличения негативных общественных явлений своей эпохи и, прежде всего, княжеского абсолютизма и придворного сервиллизма. Гамбургский врач и филолог Пауль [Карл Мартин] Альбрехт (1851–1894) опубликовал в 1890–1891 гг. шеститомное исследование под названием “Плагиаторство Лессинга”, в котором называет творчество великого просветителя “литературным воровством” и указывает не менее 1227 его текстов, сюжеты которых заимствованы из произведений других авторов, среди которых едва ли не на первом месте стоит Логау (см.: [39]). И действительно, хотя сам Лессинг и называл своим учителем в эпиграматике римского поэта Марка Валерия Марциала (40–104), целый ряд его эпиграмм несомненно восходит к творчеству Логау. По мнению берлинского литературоведа Бригитты Кохманн, эти образцы эпиграмматического творчества Лессинга представляют собой оригинальные произведения, для которых эпиграммы силезского поэта послужили всего лишь исходным импульсом (см.: [36, S. 248–249]).

Так или иначе, Лессинг – такой же “критик двора, борец за веротерпимость и моралист” [40, S. 310] – обратил внимание на Логау и, по-видимому, склонен был рассматривать его как своего идейного предшественника. Однако в действительности “родства” социальных идеалов Логау и Лессинга не существовало никогда. По замечанию одного из современных исследователей и издателей эпиграмм Логау, литературоведа из Геттингена д-ра Эрнста-Петера Викенберга (*1935), непроходимая пропасть, разделявшая обоих классиков, обусловлена тем, что “там, где поэт XVII столетия соединял улучшение мира с реставрацией прошлого, там представитель Просвещения связывал критику своей эпохи с проектом лучшего будущего” [40, S. 310]. Тем не менее, в культурно-историческом плане социально-обличительная сатира Логау, перенесенная в новый век и подкрепленная авторитетом Лессинга, смогла до-

стичь одной из своих целей: "...Идеал галантно-светского человека, доминировавший благодаря... культурному господству Версаля, был поставлен под сомнение" [1, S. 175].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kiesel H.*: "Bei Hof, Bei Höll": Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen, 1979.
2. Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. Т. 27. М., [б.г.].
3. Литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1934.
4. Большая советская энциклопедия. Т. 37. М., 1938.
5. Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967.
6. *Пуришев Б.И.* Фридрих Логау // Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955.
7. *Пуришев Б.И.* Немецкая литература XVII века // История всемирной литературы. Т. 4. М., 1987. С. 235–265.
8. *Самарин Р.М.* Мартин Опиц и поэты его школы // *Самарин Р.М.* Зарубежная литература. М., 1978. С. 115–132.
9. *Лютер М.* Избранные произведения. СПб., 1994.
10. *Logau Friedrich von.* Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breßlaw/ Jn Verlegung Caspar Kloßmanns/ Gedrückt in der Baumannischen Druckerey durch Gottfried Gründern [1654].
11. *Schubert Werner.* Nachwort // Friedrich von Logau. Die tapfere Wahrheit: Sinngedichte. Leipzig, 1978. S. 131–143.
12. *Boehn Max von:* Die Mode: Menschen und Moden in siebzehnten Jahrhundert. München, 1913.
13. *Меланхтон Ф.* Апология Аугсбургского вероисповедания // Книга Согласия: Вероисповедание и учение лютеранской церкви. Duncanville (USA), 1998. С. 67–364.
14. *Elschenbroich A.* Friedrich von Logau // *Steinhausen H. und Wiese B. v.* (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin, 1984. S. 208–226.
15. *Müller Günther.* Hofische Kultur // *Alewyn R.* (Hg.): Deutsche Barockforschung: Dokumentation einer Epoche. 4 Aufl. Köln und Berlin, 1970. S. 182–204.
16. *Seelbach Karl-Ulrich.* Nachwort des Herausgebers // *Seelbach Karl-Ulrich* (Hg.). Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen, 1992. S. 1*–68*.
17. *Piprek Jan.* Waclaw Scherffer von Scherffenstein: poeta śląski i polonofil XVII wieku. Opole, 1961.
18. *Eitner Gustav.* Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Hrsg. von Gustav Eitner. Tübingen, 1872. S. 694–748.
19. *Жирмунская Н.А.* Поэзия Германии // *Жирмунская Н.А., Плавский З.И. и др.* История зарубежной литературы XVII века. М., 1987. С. 169–186.
20. *Бах А.* История немецкого языка. М., 1956.
21. *Lindqvist Aksel.* Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // *Pfohl G.* (Hg.). Das Epigramm: Zur Geschichte einer inschriftlichen und litterarischen Gattung. Darmstadt, 1969. S. 287–351.
22. Немецкие шванки и народные книги XVI века. М., 1990.
23. Толковая Библия. Комментарий на все книги Святого Писания под ред. А.П. Лопухина. Т. 1. Московская Патриархия, 2001.
24. *Михайлов А.Д.* Кастильоне. Мемуарная и биографическая проза // История всемирной литературы: В 8 томах. Т. 3. М., 1985.
25. *Дживелегов А.К.* Очерки итальянского Возрождения: Кастильоне. Аретино. Челлини. М., 1929.
26. *Буркгардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. Т. II. СПб., 1906.
27. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1982.
28. *Borinski Karl.* Baltasar Gracian und die Hofliteratur in Deutschland. Halle a. S., 1894.
29. *Пумпянский Л.В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сборник 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 3–44.
30. *Herder Johann Gottfried.* Briefe zur Beförderung der Humanität. Frankfurt a. M., 1991.
31. *Garber Klaus.* Martin Opitz – "der Vater der deutschen Dichtung": Eine Kritische Studie zur Wissenschaftsgeschichte der Germanistik. Stuttgart, 1976.
32. *Vogt Erika.* Die gegenhöfische Strömung in der deutschen Barockliteratur. Leipzig, 1932.
33. *Weisz Jutta.* Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart, 1979.
34. *Аннист А., Левин И.* Старинная эстонская словесность и "Досуг при свете лучины" П. Мантейфеля // *Мантейфель П.* Досуг при свете лучины. М.; Л., 1964. С. 48–108.
35. *Augustinus Aurelius.* Vom Gottesstaat. Bd. 1. Zürich und München, 1978.
36. *Kochmann Brigitta.* Lessing und Logau. Zum Einfluß Logaus auf Lessings epigrammatisches Schaffen // Lessing-Konferenz. Halle 1979. Teil 1. Halle (Saale), 1980.
37. *Гриб В.П.* Лессинг // История немецкой литературы в пяти томах. Т. 2. М., 1963.
38. *Lessing Gotthold Ephraim.* Gotthold Ephraim Lessings poetische Schriften. Neue vermehrte und verbesserte Auflage. Mit Röm. Kayserl. Allergnädigsten Privilegio. Reutlingen, bey Joh. Georg Fleischhauer. 1788.
39. *Albrecht Paul.* Lessing's Plagiate. Hamburg und Leipzig, 1890–1891.
40. *Wieckenberg Ernst-Peter.* Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart, 1984. S. 283–311.